V 99/432

V 99/109 - 1963

У 99/432
Фб нб

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ОПЫТНУЮ ПСИХОЛОГІЮ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ФИЛОСОФІИ

А. Фишеромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1839.

Российская
Государственная
библиотека
10532

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1839, № 3, Мартъ.)

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ОПЫТНУЮ ПСИХОЛОГІЮ.

Во всѣ времена съ большею или меньшею ясностію понимали, что въ безконечномъ ряду предметовъ человѣческаго наблюденія нѣтъ ни одного благороднѣе и достойнѣе, и въ то же время ни одного темнѣе и таинственнѣе, какъ самъ человѣкъ. Хотя величественное зданіе неба и дивное теченіе звѣздъ прежде всего обратили на себя вниманіе мыслящаго духа, и хотя Астрономія, какъ свидѣтельствуетъ Исторія, была первымъ шагомъ къ изученію Природы; но чѣмъ болѣе совершенствовались Естественныя Науки, и вмѣстѣ съ понятіемъ объ огромности массъ, пространствъ и чиселъ, первоначально поразившихъ духъ человѣческій, пробуждалось въ немъ сознаніе и о другомъ величіи, о величіи чудной гармоніи *жизни*, тѣмъ болѣе самое разсматриваніе Природы отъ крайней периферіи возвращалось къ своему средоточію. Особенно въ два послѣднія столѣтія Естественныя Науки, быстро переходя отъ одного открытія къ другому, непрерывно торжествовали свои успѣхи. Но всякій Естествоиспытатель, для котораго Наука, кромѣ возможнаго ея приложенія къ удобствамъ жизни, имѣетъ другое высшее значеніе,

тѣмъ сильнѣе долженъ былъ чувствовать, что все, имъ почерпнутое изъ опыта и съ трудомъ подведенное подъ законы, есть только пріуготовленіе, аналогія и отрывочное пособіе къ рѣшенію высшей задачи, къ которой, какъ къ общему центру тяжести, стремится всякое разсматриваніе Природы. Разгадать и постигнуть *человѣка*, вѣнецъ земнаго творенія, есть и будетъ важнѣйшею задачею для опытныхъ Наукъ даже и тогда, когда мы устранимъ нравственныя и всякія другія цѣли, достиженіе которыхъ зависитъ отъ взгляда на сущность человѣческой жизни. При новѣйшемъ состояніи Естественныхъ Наукъ гораздо сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовали, что въ разрѣшеніи этой загадки заключается вмѣстѣ и окончательный приговоръ позволеннаго человѣку знанія о жизни Вселенной. И такъ, если бы даже не было другихъ болѣе важныхъ и болѣе сильныхъ побужденій къ симъ изслѣдованіямъ, одно это уже достаточно заставить насъ, не страшась никакихъ усилій, рѣшиться мало по малу извѣдать и измѣрить испытующимъ взоромъ и сію неизвѣстную область нашего опыта.

Но этотъ микрокосмъ, или малый міръ, какъ обыкновенно и весьма справедливо называютъ человѣка, заключаетъ въ себѣ столь противоположныя явленія, что самыя средства и способы постиженія ихъ должны быть совершенно различны; а потому съ давнихъ временъ, въ нераздѣльномъ по видимому существѣ человѣка, принуждены были допустить двойственную природу. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ тѣло человѣка, со всѣми совершающимися въ немъ процессами, дыханіемъ, пищевареніемъ, отдѣленіями, обращеніемъ соковъ, движеніями мускуловъ и т. д., какъ нѣчто

пространственное, поражаетъ внѣшнія чувства, взору наблюдателя представляется другой рядъ не менѣе разнообразныхъ явленій, каковы: мышленіе, познаваніе, чувствованіе и хотѣніе. Сіи послѣднія, не наполняя собою никакого пространства, слѣдуютъ одно за другимъ во времени, и недоступныя ни для глаза, ни для уха, и ни для какого внѣшняго чувства, постигаются только непосредственнымъ сознаніемъ. Эта двойственная жизнь, явленія коей, совершающіяся въ пространствѣ, называются *органическими* или *физическими*, а совершающіяся только во времени, *духовными* или *психическими*, естественно, должна была содѣлаться предметомъ двухъ особенныхъ Наукъ, *Соматологіи* или *Физіологіи* (*) человѣка, и *Психологіи*. Обѣ онѣ отличны одна отъ другой, но по причинѣ тѣсной связи между предметами каждой изъ нихъ, естественно, не могутъ быть совершенно изучены каждая въ отдѣльности. Скорѣе онѣ суть только составныя стихіи одного высшаго цѣлаго, одной Науки, основанной на ихъ соединеніи — *Антропологіи*, или ученія о человѣкѣ.

Неоспоримо, что Физіологія есть Наука опытная; она содержитъ въ себѣ только извѣданныя наблюденіемъ явленія органической жизни, и основанные на нихъ выводы. При всемъ томъ, она имѣетъ притязанія на очевидность и на всеобщее принятіе своего ученія, въ чемъ конечно не льзя ей отказать, если только она дѣйствительно основана на опытѣ, и если опытъ вообще имѣетъ какое-либо значеніе. На ряду

(*) Мы принимаемъ здѣсь Физіологію въ обширнѣйшемъ значеніи, въ которомъ она объемлетъ собою также вспомогательныя Науки, Анатомію и Органическую Химію.

съ сею Наукою является Психологія, цѣль которой объяснить духовныя явленія, точно такъ же, какъ цѣль Физіологіи разобрать жизнь органическую. Подобно сей послѣдней, Психологія не ищетъ другаго преимущества, кромѣ того, чтобы признали ее Наукою опытною. Называя себя опытною Психологіею, она симъ ограниченіемъ даетъ понять, что есть еще другая умозрительная, метафизическая точка зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на жизнь души, подобно какъ и опытное изученіе Природы предполагаетъ другое умозрительное, или метафизическое.

По этимъ двумъ совершенно различнымъ, въ насъ совершающимся процессамъ, органическому и духовному, весьма естественно предположить два соотвѣтствующія имъ начала, и слѣдовательно, кромѣ видимаго тѣла, допустить невидимый духъ — основаніе и опору явленій духовныхъ, какъ почти всегда и предполагали. Впрочемъ надобно признаться, что эта двойственность началъ, въ нашей опытной Наукѣ не можетъ быть представлена ощутительнымъ образомъ: ибо духъ самъ по себѣ непостижимъ для нашихъ чувствъ: только различныя его состоянія и дѣйствія суть предметъ доступный нашему внутреннему опыту. Съ другой стороны этому предположенію двойственности началъ (бытіе которыхъ должна доказать Метафизика) не льзя отказать по крайней мѣрѣ въ проблематическомъ достоинствѣ, тѣмъ болѣе, что противоположное ему мнѣніе, будто духовная жизнь въ человѣкѣ есть только слѣдствіе высшаго и совершеннѣйшаго развитія его организма, въ предѣлахъ нашей опытной Науки, также есть гипотеза, и при томъ такая, которая, какъ въ послѣдствіи откроется само собою въ

нашихъ изслѣдованіяхъ, уже на поприщѣ опыта оказывается недостаточною, а предъ высшимъ мышленіемъ является совершенно нелѣпою. Впрочемъ, съ какой бы стороны ни смотрѣли на духовную жизнь человѣка, признаютъ ли ее только высшимъ цвѣтомъ органической жизни, или отраженіемъ другаго, отличнаго отъ нея самостоятельнаго начала, наша Наука, ограничивающаяся предѣлами опыта, ровно ничего отъ этого не можетъ ни пріобрѣсть, ни потерять: потому что дѣйствительность внутреннихъ явленій одинаково признаютъ какъ матеріалисты, такъ и спиритуалисты, и споръ о началѣ сихъ явленій, раздѣляющій ихъ на партіи, не подлежитъ суду Наукъ опытныхъ, ни Психологіи, ни Физіологіи. Мы просимъ только матеріалиста, чтобъ намъ позволено было явленія, не подлежащія внѣшнимъ чувствамъ и постигаемыя только непосредственнымъ сознаніемъ, обозначать пока особеннымъ именемъ *духовныхъ* явленій: въ замѣнъ чего, съ своей стороны, позволяемъ ему подъ словомъ *душа* или *духъ*, подъ коимъ мы разумѣемъ начало этихъ явленій, представлять или мозгъ или нервный эѳиръ, или что ему угодно.

И такъ наша Психологія должна быть также чисто-опытною Наукою, и, какъ опытная Наука, она должна пользоваться тѣми же средствами, должна быть построена по тѣмъ же самымъ правиламъ и по той же методѣ, какъ и всѣ Науки сего рода. Это построеніе, сообразно содержанію нашей Науки, ближайшимъ образомъ заключается въ томъ, чтобы Психологъ сколь возможно точнѣе наблюдалъ и описывалъ всѣ дѣйствія и состоянія духа, сравнивалъ и разбиралъ ихъ; изслѣдывалъ ихъ внутреннее взаимное

отношеніе, равно какъ и значеніе каждаго изъ нихъ въ кругу духовной жизни; наконецъ, основываясь на ихъ внутреннемъ сходствѣ, подводилъ ихъ подъ возможно меньшее число классовъ и основныхъ способностей, и отыскивалъ правила и законы, по которымъ всѣ сіи явленія совершаются въ дѣйствительности.

Наука опытная не можетъ принимать за точку исхода *ничто*, или, по нынѣшнему модному выраженію, развиваться изъ себя самой, безъ всякаго даннаго основанія, какъ иногда созидающее умозрѣніе покушалось дѣлать въ Философіи; напротивъ, она должна въ своихъ изысканіяхъ опираться на какомъ-нибудь данномъ элементѣ познанія. И вся сущность ея собственно въ томъ только и состоитъ, чтобы къ этому данному элементу пріискать всѣ остальные, долженствующіе, по непреложнымъ требованіямъ нашего мышленія, быть съ нимъ въ связи. Физіологъ, открывъ какой-нибудь доселѣ неизвѣстный сосудъ въ тѣлѣ, не довольствуется несомнѣнностію его существованія, но этимъ побуждается только къ дальнѣйшему изслѣдованію того, въ чемъ собственно состоитъ его отправленіе, какъ и при какихъ содѣйствующихъ причинахъ онъ совершаетъ его, и какое назначеніе его въ цѣломъ составѣ организма. И если его изслѣдованія удовлетворительно отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы (что впрочемъ случается весьма рѣдко), то онъ увѣренъ, что задача его рѣшена окончательно. Почти то же самое должно быть и въ Психологіи, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что здѣсь данный элементъ, съ котораго начинается изслѣдованіе прочихъ, всегда одинаковъ, тогда какъ Физіологъ можетъ принимать то одинъ, то другой за первый или за точку исхода къ даль-

нѣйшимъ изслѣдованіямъ. Ибо въ психологическомъ наблюденіи постоянною точкою исхода всегда бываетъ какое-либо состояніе или какая-либо дѣятельность духа. Психологъ старается опредѣлить родъ ихъ и образъ (природу и законъ), ихъ происхожденіе отъ ближайшихъ причинъ, связь съ прочими дѣйствіями, и наконецъ ихъ назначеніе въ совокупной жизни духовнаго организма.

Но почему, ни Психологъ, ни Физіологъ, не довольствуются однимъ тѣмъ элементомъ, который они замѣтили? Почему, открывъ одинъ, они стараются отыскать другой и третій, о существованіи которыхъ еще ничего не знаютъ, а между тѣмъ предполагаютъ ихъ какъ нѣчто несомнѣнное? Откуда эта мысль о необходимомъ совокупленіи многихъ элементовъ, какъ составныхъ частей одного и того же явленія? Откуда наконецъ то убѣжденіе, сопровождающее наблюдателя на пути изслѣдованія, что тамъ, гдѣ есть одинъ элементъ, необходимо должны быть и извѣстные другіе?

Здѣсь, не мѣсто изслѣдывать, какимъ образомъ являются въ человѣкѣ подобныя основныя положенія и руководственныя начала, каковы напр. «всякое явленіе (измѣненіе) есть дѣйствіе; какъ дѣйствіе оно имѣетъ достаточную причину, изъ которой оно необходимо слѣдуетъ, имѣетъ цѣль, т. е. само содѣйствуетъ къ произведенію другаго явленія», и т. д. Мы не намѣрены также изъяснять здѣсь происхожденіе и дѣйствительность самыхъ понятій причины, дѣйствія, начала дѣйствованія (силы) закона, необходимости, цѣли и т. д. — аксіомы ли то и основныя понятія здраваго смысла, какъ многіе думаютъ, или, какъ утверждаютъ другіе, врожденныя, или апріорическія

истины, категоріи, формы мышленія, или что другое. Мы объ этомъ не споримъ; но вотъ что замѣчательно: объ этихъ понятіяхъ не льзя съ увѣренностію сказать, что мы пріобрѣли ихъ точно такъ же, какъ пріобрѣтаемъ другія понятія; совершенно не зависитъ отъ нашего произвола, въ извѣстномъ случаѣ, имѣть эти мысли, или не имѣть ихъ, и мы были бы въ большомъ затрудненіи, если бы отъ насъ потребовали доказать всеобщность и необходимость того или другаго изъ сихъ положеній въ такой мѣрѣ, въ какой предполагаемъ ихъ истинность. Между тѣмъ именно эти-то основныя положенія и первоначальныя мысли дѣлаютъ возможною всякую опытную Науку: ибо если бы человѣкъ началъ свои наблюденія надъ какимъ-либо явленіемъ безъ сихъ мыслей, то кромѣ перваго, по большей части случайно представляющагося элемента, не открылъ бы никакого другаго: потому что, не чувствуя недостатка своихъ познаній, не простиралъ бы далѣе и своихъ изслѣдованій. Безъ этихъ мыслей опытъ нашъ никогда не могъ бы сдѣлаться связнымъ цѣлымъ, *Наукою:* это было бы какое-то пестрое совокупленіе современныхъ, или преемственныхъ явленій, которыя не имѣли бы никакого между собою соотношенія, никакой связи, и которыя наконецъ, теряя въ своемъ разъединеніи смыслъ и значеніе, едва ли бы заслуживали труда наблюдателя. И такъ всякая опытная Наука выростаетъ только изъ плодотворныхъ сѣменъ этихъ, такъ называемыхъ метафизическихъ понятій и истинъ; и если бы мы усомнились въ дѣйствительности сихъ послѣднихъ, то лишились бы главнаго основанія всякаго опыта. Но подобное сомнѣніе никогда не вкрадывалось въ Науки опытныя. Не за-

ботясь о почвѣ, на которой прозябаютъ, онѣ становятся величественнымъ древомъ, подъ тѣнію коего всякій покоится съ наслажденіемъ, и вкушаетъ плоды его, ни мало не сомнѣваясь въ ихъ годности или пользѣ. Такимъ образомъ, если Психологія не болѣе имѣетъ притязанія на очевидность, какъ и всякая другая опытная Наука, то отъ нея также не льзя требовать, чтобы она приняла на себя трудъ раскрыть и утвердить сіи основныя начала, коихъ истина во всѣхъ другихъ опытныхъ Наукахъ тайно предполагается. По сему наша Психологія, принеся должную дань царицѣ всѣхъ Наукъ, Метафизикѣ, и признавъ ея владычество, безпрепятственно выступитъ въ путь свой, и будетъ продолжать его, не обращая вниманія ни на какія умозрительныя возраженія.

Впрочемъ намъ не безъизвѣстно, почему именно отъ Психологіи требуютъ того, чего не требуютъ ни отъ какой другой опытной Науки. Причина тому, что въ ней часто опытное и умозрительное составляли одно цѣлое, и это странное смѣшеніе нерѣдко было выдаваемо за самую Философію. Это мы находимъ даже и теперь въ философскихъ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ образованнѣйшихъ націй, для коихъ всякое умозрѣніе, безъ непосредственнаго опытнаго основанія, есть праздная игра мыслей. Конечно это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что всякая Философія должна начинать съ дѣйствительнаго, и относиться къ нему же; но ложно, если подъ словомъ философствованіе будутъ разумѣть не что иное, какъ умствованіе о каждомъ преходящемъ явленіи порознь. Само собою разумѣется, что наша Психологія не простираетъ своихъ притязаній до того, чтобы за-

мѣнить собою Философію. Мы считаемъ ее важною предуготовительною Наукою къ Философіи, даже необходимымъ введеніемъ въ оную; но возвышать ее посредствомъ какихъ-либо умозрѣній до степени самой Философіи, есть такое предпріятіе, на которое отважится только тотъ, кому господствующее направленіе мыслей или предразсудки времени и націи препятствуютъ составить себѣ вѣрное понятіе о существѣ Философіи. И такъ мы вовсе не намѣрены своею Психологіею похищать что-нибудь у Философіи, или замѣнить послѣднюю первою. Напротивъ, главнѣйшее наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы представить Психологію свободною отъ всякаго умозрѣнія, какъ простую опытную Науку. Отъ Философіи же мы заимствуемъ для нея только тѣ основныя понятія и положенія, коими, безъ малѣйшаго нареканія, пользуется всякая опытная Наука и безъ которыхъ, какъ мы выше сказали, невозможна никакая Наука. Цѣль, для которой мы стараемся отдѣлить опытное отъ умозрительнаго, ближайшимъ образомъ заключается, если можно такъ выразиться, въ искупленіи Психологіи, т. е. въ томъ, чтобы эту важную и занимательную Науку сдѣлать наконецъ независимою отъ прихотей и судьбы эфемерныхъ философскихъ системъ, которыя всегда обращались съ нею по произволу и нерѣдко совершенно ее искажали. Мы не сомнѣваемся, что это искупленіе доставитъ ей блестящій успѣхъ, и сію надежду нашу основываемъ на совершенно подобномъ событіи, которое представляетъ намъ Исторія развитія Физики. Психологія по своимъ первымъ наукообразнымъ начаткамъ есть одна изъ древнѣйшихъ Наукъ, какъ легко можно догадываться уже по самой ея

важности; казалось, она быстро должна была подвигаться еще въ тѣ времена, когда именно Физика находилась въ совершенномъ младенчествѣ. Это раннее превосходство Психологіи ясно открывается уже изъ сравненія столь много до сихъ поръ еще уважаемаго сочиненія Аристотеля *о душѣ* съ физическими сочиненіями того же Автора. И между тѣмъ сей знаменитый мужъ, отецъ опытныхъ Наукъ, въ обоихъ отношеніяхъ есть полный представитель современнаго образованія своего народа. Но потомъ Психологія въ продолженіе многихъ столѣтій оставалась безъ всякаго приращенія, такъ что въ новѣйшія времена даже Физіологія, сестра ея, можетъ быть превзошла ее въ богатствѣ истинъ точно изложенныхъ и неоспоримыхъ, равно какъ и въ стройномъ соединеніи своихъ матеріаловъ. Разбирая причины этой странной безуспѣшности Психологіи, мы находимъ, что между многими другими, о которыхъ послѣ скажемъ подробнѣе, важнѣйшая заключалась въ примѣшеніи къ Психологіи такихъ элементовъ, которые ей чужды и по содержанію и по назначенію. Съ одной стороны часто теряется она въ физіологическихъ изслѣдованіяхъ, переходитъ въ чуждый для нея міръ *тѣлесныхъ движеній*, и, опираясь на мнимомъ сходствѣ явленій міра *вещественнаго* съ *духовными*, нерѣдко дѣлаетъ странныя заключенія о послѣднихъ. Съ другой стороны, забывая свой характеръ Науки опытной, она часто вводитъ въ свою область такіе вопросы и изслѣдованія, которые принадлежатъ только чистому умозрѣнію, или относятся къ области Вѣры. Подобные вопросы суть: о состояніи душъ до соединенія ихъ съ тѣлами, о состояніи ихъ по смерти, о соединеніи съ тѣломъ,

о сущности и возможности свободы воли, и многіе другіе симъ подобные, на которые опытъ не можетъ дать никакого дальнѣйшаго объясненія. Первый изъ сихъ упрековъ можно сдѣлать преимущественно Врачамъ и Физіологамъ, а второй собственно такъ называемымъ Философамъ. Какъ много, отъ такой нечистой примѣси догадочнаго къ несомнѣнному, теряетъ Наука въ прочности и довѣренности, это ясно доказываютъ намъ маловажные относительные успѣхи Психологіи. Въ то время, какъ въ ней какая-нибудь блестящая гипотеза, мгновенно ослѣпившая взоръ, подобно фейерверку, дѣлала ощутительнѣе послѣдовавшій за нею мракъ, Физика, постоянно вѣрная строгой методѣ наблюденія, шла впередъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ. По возможности устраняя все умозрительное и гипотетическое, она только собирала факты, и удостовѣрясь въ нихъ частымъ повтореніемъ наблюденія и опытовъ, позволяла себѣ выводить изъ сихъ многихъ вѣрныхъ случаевъ заключенія, и такимъ образомъ посредствомъ наведенія и аналогіи отъ познанія частнаго доходила до открытія общаго, до законовъ и причинъ. Физикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ теперь не заботится о томъ, будутъ ли существовать наблюдаемыя имъ явленія и тогда, когда бы не было познающаго ихъ существа, не было духа, ихъ пріемлющаго; онъ не спрашиваетъ, сотворена ли матерія, или предвѣчна, и какъ вообще возможны сотвореніе, или измѣненіе вещей; онъ не мучится надъ доказательствами возможности движенія и надъ отыскиваніемъ послѣднихъ причинъ онаго. Для него довольно, что онъ чувствами познаетъ существованіе матеріи, и примѣчаетъ разнообразныя движенія и измѣненія ея,

чтобы со всею ревностію приступить къ отысканію ихъ ближайшихъ причинъ и законовъ; а вопросы, превышающіе опытъ, охотно уступаетъ умозрѣнію, и если чего не достаетъ для глубокости его Науки, то онъ по крайней мѣрѣ утѣшается вѣрностію того, что знаетъ. При этой скромности притязаній, Физика мало по малу возрасла въ древо цвѣтущее и глубоко пустившее корни свои, которое теперь начало приносить прекраснѣйшіе плоды, тогда какъ прежде въ продолженіе многихъ столѣтій оно питало своими соками только тунеядныя растенія умозрительной тонкости, а само оставалось сухимъ и безплоднымъ.

Восемдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ и въ Психологіи, утомясь наконецъ безпрестанною мѣною гипотезъ, вмѣсто замысловатыхъ предположеній о жизни души начали требовать испытанныхъ и вѣрныхъ фактовъ, чтобы получить какое-нибудь прочное основаніе къ дальнѣйшему построенію этой Науки. Но какъ ни драгоцѣнны и какъ ни превосходны были нѣкоторые изъ опытовъ, коими Психологія съ того времени начала гордиться, все-же она не могла совершенно освободиться отъ крѣпкихъ цѣпей, въ которыхъ умозрѣніе такъ долго ее держало. Количество сочиненій, въ коихъ она является Наукою чисто-опытною, весьма ограничено. Духъ глубокаго умозрѣнія, со времени Канта оживляющій Нѣмецкую Философію, возбудилъ и освѣжилъ всю область мышленія, и мы охотно и съ благодарностію признаемъ благодѣтельное вліяніе его на Науки. Но, вмѣстѣ съ скромнымъ умозрѣніемъ, вкралось въ нихъ и злоупотребленіе болѣе высокомѣрное нежели когда-либо и даже иногда доходящее до странности. Страсть къ созданію системъ, перешедшая

въ нѣкоторый родъ маніи, и неуваженіе, съ каковымъ Философы, все строящіе a priori, смотрѣли на все опытное, нанесли значительный вредъ нашей Наукѣ, равно какъ и многимъ другимъ. Психологическіе факты, искаженные и обезображенные, часто должны были служить основаніемъ или опорою какому либо прежде уже принятому Философскому ученію, или должны были подчиняться какому-нибудь схематизму, начертанному для нихъ a priori. Однимъ изъ главныхъ средствъ, коимъ руководствовались въ примѣненіи этихъ фактовъ къ опредѣленной системѣ, былъ произволъ, въ слѣдствіе коего, не смотря на давнишнее употребленіе всѣмъ извѣстныхъ словъ, каковы напримѣръ чувство и чувствованіе, умъ и разумъ, и тому подобныхъ, соединяли съ ними новыя и неслыханныя значенія, такъ что одна Школа не понимала другой; каждый мыслитель, почитавшій себя оригинальнымъ, не могъ согласиться съ другимъ, имѣвшимъ подобныя же притязанія: потому что каждый изъ нихъ соединялъ съ однимъ и тѣмъ же словомъ разныя значенія. Дѣло дошло до того, что шутка, будто Психологическая терминологія есть возобновленіе Вавилонскаго смѣшенія языковъ, сдѣлалась наконецъ печальною истиною. Предоставляемъ собственному размышленію нашихъ читателей рѣшить, могла ли Наука, требующая значительныхъ пополненій, и по своему опытному характеру находящаяся въ столь тѣсной связи съ давно утвержденнымъ языкомъ, при такомъ обработываніи, сдѣлать успѣхи, какихъ можно было ожидать отъ ея нескудной Литературы, и отъ славы мужей, находящихся въ числѣ ея обработывателей.

Чисто-опытное содержаніе, которымъ бы мы желали ограничить нашу Науку, указываетъ уже на источникъ, изъ коего она почерпаетъ свои матеріалы, т. е. свои отдѣльныя свѣдѣнія. Единственный источникъ для нея есть наблюденіе духовной жизни въ насъ самихъ и въ другихъ людяхъ. Очевидно, что это наблюденіе должно быть начато съ насъ самихъ: ибо духовная жизнь другихъ людей открывается намъ только при помощи тѣлесныхъ знаковъ, или тѣлодвиженій, преимущественно же посредствомъ словъ и дѣйствій. Всѣ эти внѣшнія явленія, какъ выраженія извѣстнаго внутренняго состоянія, какъ дѣйствія и отраженія внутренней дѣятельности, безъ собственнаго внутренняго опыта были бы непонятными знаками чего-то неизвѣстнаго, чего мы не могли бы представить ни при какомъ описаніи, или объясненіи. Какъ въ Природѣ внѣшней свойства вещей, бѣлизна, благовонія, сладость и проч., могутъ быть поняты только непосредственнымъ воспріятіемъ чувствъ, и для человѣка неимѣющаго случая знакомиться съ ними, или для того, кто лишенъ необходимаго къ тому органа, напрасно всякое описаніе: такъ точно соотвѣтствующія симъ матеріальнымъ свойствамъ качества духа, т. е. состоянія и дѣйствія онаго, познаются только непосредственнымъ опытомъ, и столь же мало могутъ быть представлены помощію однихъ отвлеченныхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, какія представленія могли бы возбудить въ насъ слова: сознаніе, чувствованіе, Вѣра, сомнѣніе, пріятное, любовь, благоговѣніе, воодушевленіе и т. д., если бы мы не понимали ихъ знанія изъ нашей собственной внутренней жизни, или

по крайней мѣрѣ не находились когда-либо въ состояніи совершенно тому подобномъ.

Но безконечное богатство формъ, въ которыхъ сила духовная возвѣщаетъ о бытіи своемъ, столь же мало можетъ быть исчерпано въ жизни одного человѣка, какъ и вся полнота жизни органической въ какомъ-либо одномъ растеніи или одномъ животномъ. Естествоиспытатель, объемля своимъ вниманіемъ цѣлый родъ растеній, долѣе и охотнѣе останавливается на благороднѣйшихъ и совершеннѣйшихъ единицахъ онаго, какъ высшемъ и яснѣйшемъ проявленіи типа, который имѣла въ виду творческая сила Природы. Точно такъ поступаетъ и наблюдатель жизни духовной: онъ не исключаетъ изъ круга своего наблюденія никакого возраста и пола, никакой степени образованія, даже грубыхъ дѣтей Природы; но занимательнѣйшимъ и назидательнѣйшимъ предметомъ для него останется только человѣкъ развитый и облагороженный воспитаніемъ и еще болѣе тотъ любимецъ неба, на челѣ котораго оно положило печать высшаго предназначенія. Сей послѣдній, какъ глубокое разумѣніе, какъ геній Искусства, или какъ великій характеръ, возвышающійся надъ толпою, какъ совершеннѣйшій образецъ человѣчества, какъ высшая потенція духовной силы, даетъ намъ возможность глубже проникнуть въ таинственную сущность человѣческой природы, и представляетъ въ явственнѣйшихъ чертахъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть человѣкъ. Слѣдовательно наблюденіе другихъ людей есть столь же необходимое пособіе къ дальнѣйшему развитію нашей Науки, какъ и наблюденіе самого себя.

Но время и пространство налагаютъ слишкомъ обременительныя оковы на наше собственное наблюденіе; взглядъ нашъ едва простирается за предѣлы самыхъ близкихъ, окружающихъ насъ предметовъ. Въ замѣнъ того вся Исторія развитія человѣчества въ отношеніи къ образованію религіозному и умственному, въ отношеніи къ Искусствамъ, жизни общественной, Законодательству и т. д. для Психолога есть богатая сокровищница матеріаловъ. Путешествія, мемуары, біографіи, даже образцовыя драматическія произведенія и Романы, могутъ составлять для него также немаловажный запасъ: ибо сіи послѣдніе тогда только и заслуживаютъ имя образцовыхъ твореній, когда они изображаютъ жизнь духовную во всей ея истинѣ, и посредствомъ рѣчи и дѣйствій открываютъ внѣшнему воззрѣнію то, что происходитъ въ сокровенной глубинѣ человѣческаго духа, часто для него самаго непостижимое. Безъ сомнѣнія благоразумное употребленіе всѣхъ сихъ матеріаловъ необходимо предполагаетъ предварительную строгую критику, пробный камень которой опять есть нашъ собственный опытъ. Но кто по собственному опыту знаетъ, какъ трудно дѣлать *чистые* опыты, т. е. не примѣшивать въ свои наблюденія никакихъ подлежательныхъ мнѣній, догадокъ, поспѣшныхъ заключеній и другихъ произвольныхъ прибавленій, тотъ еще болѣе будетъ подвергать строгому и обдуманному исканію всякій чужой опытъ, чтобы отдѣлить драгоцѣнный металлъ отъ негодной смѣси.

Намъ можетъ быть скажутъ, что духовная жизнь въ каждомъ человѣкѣ столь же индивидуальна, какъ и органическая, и что, если не совершенно невозможно, то по крайней мѣрѣ весьма трудно, посредствомъ за-

ключеній, основанныхъ на собственномъ внутреннемъ опытѣ, объяснить и постигнуть явленія духовной жизни другихъ людей. На это мы можемъ дать слѣдующій отвѣтъ. Психологія, какъ и всякая другая Наука, имѣетъ дѣло не съ индивидуальнымъ, но съ общимъ. Предметъ ея не описаніе и разъясненіе духовной жизни одного какого-либо лица, во всѣхъ ея состояніяхъ и развитіяхъ, но духовная жизнь человѣка вообще, т. е. однородное и общее во внутреннемъ состояніи всѣхъ существъ, называемыхъ людьми. Что во всѣхъ людяхъ дѣйствительно есть нѣчто общее этого рода, за сіе, кажется, ручается намъ уже общее понятіе *человѣкъ*, подъ которымъ мы разумѣемъ всѣхъ людей, какъ одинаковый родъ. И если они въ самомъ дѣлѣ составляютъ особенный родъ существъ, въ чемъ не льзя и сомнѣваться, то конечно основаніе сего заключается не въ одномъ сходствѣ ихъ тѣлеснаго организма, но также въ сходствѣ ихъ внутреннихъ способностей и силъ, въ сходствѣ духовныхъ направленій, состояній и дѣятельностей, посредствомъ коихъ обнаруживается первоначальная человѣческая природа въ разныхъ недѣлимыхъ. Съ этимъ сходствомъ духовной жизни весьма совмѣстны различія степеней или отношеній и вообще всѣ индивидуальныя видоизмѣненія, точно такъ же, какъ съ общимъ типомъ человѣческаго образа сходно индивидуальное образованіе чертъ лица каждаго недѣлимаго. Слѣдовательно, кто напримѣръ испыталъ самъ радость или гнѣвъ, тотъ легко можетъ понять и въ другихъ обнаруженіе этихъ чувствъ, сколько бы они ни были разнообразны въ каждомъ человѣкѣ. Конечно есть такія состоянія духа, которыя мы можемъ наблюдать только въ другихъ, и для

которыхъ мы, хотя они въ строгомъ смыслѣ не могутъ называться индивидуальными, не имѣемъ никакого положительнаго масштаба въ себѣ самихъ; напримѣръ лунатизмъ, магнетическое ясновидѣніе, отчаяніе, сумасшествіе и многія другія болѣзненныя состоянія. Очевидно, здѣсь остается намъ прибѣгать только къ заключеніямъ по аналогіи, и опираться болѣе или менѣе на отдаленныхъ сходствахъ. Эти неправильныя явленія въ духовной жизни, хотя и привлекаютъ на себя вниманіе своею необыкновенностію и странностію, и возбуждаютъ охоту къ удовлетворительному ихъ описанію и объясненію; при всемъ томъ на нихъ должно смотрѣть, какъ на второстепенный предметъ нашей Науки, главная цѣль которой, безъ сомнѣнія, есть изслѣдованіе *нормальной* жизни духа во всѣхъ ея различныхъ направленіяхъ и дѣйствіяхъ. Ожиданія нѣкоторыхъ Психологовъ, именно посредствомъ наблюденія чрезмѣрно раздраженныхъ и болѣзненныхъ явленій достигнуть важнѣйшихъ открытій въ духовной жизни, намъ кажутся слишкомъ отважными. Только успѣшное изученіе правильной жизни человѣка съ обѣихъ ея сторонъ можетъ разрѣшить намъ загадку возможности даже такихъ отступленій. Но какъ мало мы еще знакомы съ условіями здравой духовной жизни, это ясно доказывается жаркими преніями о самомъ понятіи *духовной болѣзни*.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ, что Психологія, предметъ которой, какъ благороднѣйшій и важнѣйшій, возвышается надъ всѣмъ чувственнымъ, при столь близкихъ и столь богатыхъ источникахъ, такъ далеко отстала въ своемъ образованіи отъ многихъ другихъ менѣе важныхъ Наукъ. Но

трудности особеннаго рода, которыя мы теперь намѣрены изложить и на которыя частію мы уже указали выше, объяснятъ намъ медленный ходъ Психологіи, и заставятъ насъ гораздо снисходительнѣе смотрѣть на различныя заблужденія и очевидныя нелѣпости, въ кои впадали даже отличные умы, занимавшіеся этою Наукою.

И въ самомъ дѣлѣ, наблюденіе внѣшней Природы по большей части не требуетъ непомѣрнаго напряженія ума; оно часто даже составляетъ столь пріятное занятіе, что едва ли есть какое-либо другое изученіе, которое бы имѣло столько прелести и занимательности даже для юношества. Наблюденіе внутренней жизни напротивъ утомительно, а для неприготовленнаго оно становится мукою. Чтобы со вниманіемъ разсматривать внутреннюю жизнь, и съ успѣхомъ заниматься наблюденіемъ ея, для этого необходимо требуется извѣстная зрѣлость ума. Милліоны людей умираютъ, не составивъ себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ внутреннемъ механизмѣ силъ, которымъ они пользовались ежедневно и ежечасно въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ. Но какъ ни страннымъ кажется этотъ фактъ, при всемъ томъ весьма легко объяснить его.

Духовная жизнь наша въ этомъ земномъ бытіи скована условіями органической жизни тѣла, и для своего обнаруженія требуетъ уже извѣстной степени развитія и образованія тѣлесныхъ органовъ. Въ новорожденномъ дитяти она погружена какъ бы въ нѣкоторое усыпленіе, или, говоря образно, она есть только зародышъ, ожидающій своего развитія и возрастанія отъ содѣйствія внѣшней Природы. Дитя от-

дается этой внѣшней Природѣ; созерцая ее, оно пріобрѣтаетъ и упрочиваетъ свои познанія, ищетъ и находитъ въ ней первыя наслажденія, и отъ нея же получаетъ первыя болѣзненныя впечатлѣнія. И такъ внѣшній міръ, какъ источникъ удовлетворенія нашихъ необходимыхъ тѣлесныхъ потребностей, какъ раздаятель нашихъ первыхъ радостей и страданій, исключительно овладѣваетъ еще въ дѣтствѣ нашимъ вниманіемъ, а безпрестанное съ нимъ обращеніе до такой степени утверждаетъ насъ въ этомъ одностороннемъ направленіи, что мы почитаемъ себя совершенно знакомыми съ тѣлеснымъ міромъ, и самыя таинственныя и неизъяснимыя его явленія только потому принимаемъ за извѣстныя, что они каждодневно представляются нашимъ чувствамъ! Наконецъ, когда мы, достигнувъ большей зрѣлости духа, обращаемся ко внутреннему міру, чтобъ изслѣдовать тѣ чудесныя силы, посредствомъ коихъ мы познаемъ внѣшній міръ и дѣйствуемъ на него: то это новое направленіе нашего вниманія, въ слѣдствіе его привычки къ тѣлесному, бываетъ для насъ чрезвычайно трудно. Наше вниманіе невольно всегда устремляется на предметъ нашего мышленія, нашего желанія, нашей радости, нашего гнѣва и т. д., а не на чистую дѣятельность нашего духа въ мышленіи и желаніи, въ чувствѣ радости или гнѣва. И чѣмъ живѣе сердечныя движенія и страсти человѣка, то есть, чѣмъ замѣчательнѣе мгновенія духовной жизни, тѣмъ менѣе въ немъ расположенія и обдуманности, необходимыхъ для того, чтобы быть хорошимъ наблюдателемъ самого себя. Безъ сомнѣнія воспоминаніе о бывшихъ состояніяхъ и даже иногда намѣренное воспробужденіе оныхъ могутъ служить нѣкоторою за-

мѣною; но отпечатокъ рѣдко достигаетъ свѣжести и полноты живой дѣйствительности.

Особенная трудность внутренняго наблюденія заключается еще въ той неимовѣрной быстротѣ, съ каковою пролетаетъ большая часть состояній духа, едва оставляя наблюдателю время потребное для того, чтобы обратить на нихъ свое вниманіе, схватить ихъ какъ бы на лету и притомъ вѣрно. Нѣтъ ни одного мгновенія внутренней жизни совершенно подобнаго другому; образы и мысли безпрестанно толпятся, и потребна великая власть надъ собою, чтобы хотя на короткое время удержать стремленіе этого неудержимаго потока. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть попробуетъ. хотя на одну минуту, остановить какую-нибудь мысль въ ея разъединеніи, такъ чтобы другія мысли, невольно стремящіяся со всѣхъ сторонъ, не отвлекали его вниманія отъ добровольно имъ самимъ избраннаго пункта. Къ этому еще прибавьте необходимое раздвоеніе нашей силы, потому что дѣятельность духа въ одно и то же время есть и предметъ наблюденія и субъектъ наблюдающій. Опытъ повсюду открываетъ намъ, что наблюденіе какого-либо внутренняго состоянія бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе въ немъ самодѣятельности, и что напротивъ страдательныя состоянія духа—самыя доступныя для наблюденія. Всякій согласится, что гораздо легче наблюдать низшіе роды своихъ чувствованій, нежели свое мышленіе. Опытъ также научаетъ, что всякая духовная дѣятельность, которую мы силою напряженнаго вниманія хотимъ принять за предметъ наблюденія, отъ того самаго или совершенно прекращается, или примѣтно ослабѣваетъ. Давно также замѣчено, что чувствованія, всего менѣе зависящія отъ нашего

произвола, напр. тѣлесныя болѣзни, при сосредоточеніи на нихъ нашего вниманія, на нѣкоторое время смягчаются и ослабляются, хотя послѣ, можетъ быть, еще съ большею силою начинаютъ свирѣпствовать. — Вѣроятно всякій охотно согласится съ тѣмъ, что мечты воображенія, не рѣдко возмущающія чистоту внѣшняго наблюденія, еще легче и чаще заступаютъ мѣсто дѣйствительныхъ воспріятій внутренняго чувства, и представляютъ намъ тогда нашъ внутренній бытъ совсѣмъ не таковымъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Въ послѣдствіи мы скажемъ подробнѣе объ этомъ предметѣ, потому что здѣсь скрывается источникъ всякой мечтательности и ложной мистики. Но есть въ насъ особенная область, изслѣдованіе которой, кромѣ означенныхъ препятствій, затрудняется еще нашимъ самолюбіемъ. Это область воли и тѣхъ дѣйствій, которыя непосредственно съ нею связаны, — однимъ словомъ, практическая область нашей духовной жизни, на которую именно указывали Древніе, когда извѣстное *γνῶθι σαυτὸν* (познай самаго себя) выдавали за главное условіе и главную цѣль истинной мудрости. Психологическое наблюденіе, которое мы дѣлаемъ для обогащенія Науки, сливается здѣсь нѣкоторымъ образомъ съ нравственнымъ самоиспытаніемъ и раздѣляетъ съ нимъ почти всѣ препятствія, предстоящія на пути сему послѣднему. Человѣкъ не охотно рѣшается открыть свое внутреннее даже самому себѣ и отдать отчетъ себѣ въ своихъ истинныхъ побужденіяхъ и намѣреніяхъ. Слабыя и порочныя наклонности нашего собственнаго *я* приписываются обыкновенно общей человѣческой природѣ, или, по крайней мѣрѣ, представляются намъ въ смягчающемъ свѣтѣ самолюбія, какъ

нѣчто незначительное и случайное, и въ подкупленномъ умѣ нашемъ находятъ всегда усерднаго себѣ защитника. Съ другой стороны мы весьма склонны малѣйшее добро вмѣнять себѣ въ величайшую заслугу, и ослѣпленные самоугодливостію въ нашихъ рѣшеніяхъ находимъ такія побужденія, которыя не имѣютъ съ ними ни какой связи. И такъ, если уже такъ трудно въ собственной внутренней оцѣнкѣ произнести о самомъ себѣ справедливый приговоръ, то не гораздо ли труднѣе понять человѣка вообще въ этомъ отношеніи такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть, чѣмъ-то среднимъ между животнымъ неразумнымъ и ангеломъ. По сему ни сколько не удивительно, что Психологи такъ рѣдко здѣсь попадаютъ на истинную средину, и что между тѣмъ какъ одинъ всѣ поступки человѣка приписываетъ единственно своекорыстію, другой увѣряетъ, что въ самой Природѣ человѣка нѣтъ никакого зла и что только превратность воспитанія и общественныхъ учрежденій порождаютъ всякое нравственное зло.

Правда, къ фактамъ внутренняго опыта не льзя примѣнять Математики, но это не можетъ назваться препятствіемъ къ образованію Психологіи, потому что эта Наука, какъ показываютъ неудачныя попытки, по своей природѣ не подлежитъ никакимъ вычисленіямъ. Но во всякомъ случаѣ это уже недостатокъ, который кладетъ на нее печать какой-то неопредѣленности и неясности, однимъ словомъ кажущагося несовершенства и становитъ ее ниже Науки о внѣшней Природѣ. Извѣстно, что въ сей послѣдней законы могутъ быть точно опредѣлены математическими формулами, и что всякая часть внѣшняго опыта уже дѣй-

ствительно и навсегда пріобрѣтена для Науки, коль скоро удалось опредѣлить ее или по числу или по степени. Это мы видимъ въ теоріяхъ тяжести, свѣта, звука и даже въ послѣднее время въ Химіи. Конечно не льзя отвергнуть, что наша духовная дѣятельность всегда имѣетъ извѣстную степень напряженности, т. е. наши представленія, чувствованія, пожеланія и т. д. бываютъ иногда сильнѣе, иногда слабѣе, и что эта живость въ каждомъ особенномъ случаѣ имѣетъ опредѣленную мѣру; но этимъ знаніемъ мы мало пріобрѣтаемъ, потому что намъ не достаетъ постоянной, основной мѣры, не достаетъ единицы, по которой бы можно опредѣлять степени напряженности дѣйствій, представляющихся опыту.

Разборъ духовныхъ фактовъ долженъ быть уже потому гораздо труднѣе, что элементы, изъ которыхъ состоятъ они, не суть что-либо протяженное, что̀ для удобнѣйшаго разсматриванія можно бы было разлагать, подлѣполагать, или, для опыта, разнообразно соединять. Здѣсь напротивъ всякое произведеніе этихъ элементовъ есть единица, въ которой дѣйствуетъ цѣлый духъ, или если угодно, совокупность духовныхъ способностей, впрочемъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя Наука до сихъ поръ еще весьма мало успѣла раскрыть. Если присоедините къ тому различныя внѣшнія причины, которыя хотя тайное, но несомнѣнное имѣютъ вліяніе на жизнь духовную, какъ напр. воспитаніе, привычку, полъ, возрастъ, темпераментъ, образъ жизни, климатъ и т. д., то не льзя будетъ не согласиться, что ни одна изъ опытныхъ Наукъ не сопряжена съ столь многими и столь великими трудностями, какъ Психологія.

Но при наблюденіи человѣка, кромѣ исчисленныхъ нами трудностей встрѣчается еще новая трудность, именно та, что мы рѣдко имѣемъ случай наблюдать его въ состояніи естественной непринужденности, и потому рѣдко можемъ сдѣлать справедливое о немъ заключеніе изъ его проявленія, т. е. изъ тѣлодвиженій, разговоровъ и поступковъ. Ибо если человѣкъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, то онъ или теряется, и противъ воли показываетъ себя во внѣшности не такимъ, каковъ онъ внутренно; или, если онъ имѣетъ довольно власти надъ собою, чтобы во внѣшности обнаружить только то, что ему заблагоразсудится, то онъ притворяется. Искусство притворяться возрастаетъ вмѣстѣ съ образованіемъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ владѣетъ собственною жизнію, тѣмъ слабѣе становится связь между внутреннимъ и внѣшнимъ, и тѣмъ ошибочнѣе заключеніе отъ послѣдняго къ первому.

Но можетъ быть ни одно изъ наименованныхъ препятствій не останавливало такъ сильно успѣховъ нашей Науки, какъ односторонняя привязанность къ міру тѣлесному, причины которой мы уже выше показали. Раннія и могущественныя впечатлѣнія внѣшняго міра должны были совершенно заслонить отъ насъ жизнь духовную, и на долго лишить ее нашего вниманія; если наконецъ и обращенъ былъ взоръ на этотъ предметъ, то, въ слѣдствіе привязанности къ тѣлесному, ничто не могло быть естественнѣе, какъ опытъ — принять тѣлесное за мѣрило явленій духовныхъ, такъ какъ съ существомъ тѣлеснаго думали быть коротко знакомыми. А потому подъ духомъ представляли нѣкоторой родъ утонченнаго эѳирнаго

вещества (*πνεῦμα*, spiritus,) и думали, что поняли его дѣйствія, когда нашли нѣкоторую аналогію между имъ и матеріею. Первымъ слѣдствіемъ сего было то, что вся почти психологическая терминологія заимствована изъ области міра тѣлеснаго, его движеній и измѣненій, какъ показываютъ слѣдующія выраженія: представлять, воображать, понимать, принимать, взвѣшивать, заключать, привязанность, наклонность, и безчисленное множество другихъ. Такъ какъ мы довольно ясно понимаемъ духовныя дѣйствія и слѣдствія, обозначаемыя сими выраженіями, то образный этотъ языкъ для насъ почти потерялъ свое неудобство и обманчивость. Но во время младенчества Науки, эти выраженія должны были породить безчисленное множество двусмысленностей и заблужденій, которыя, вмѣстѣ съ языкомъ перешедши и къ послѣдующимъ поколѣніямъ, постоянно давали поводъ къ возобновленію прежнихъ опытовъ подчинить духовныя явленія законамъ міра физическаго. Сочиненія какого-нибудь Гоббеса, Гартлея, Пристлея, Ламетри и другихъ, ясно показываютъ намъ, чѣмъ сдѣлалась и вообще чѣмъ могла сдѣлаться Психологія при такомъ направленіи.

Объявляя себя явными противниками сего направленія, мы надѣемся, что насъ не будутъ укорять въ томъ, будто мы еще прежде построенія Науки о душѣ, рѣшаемъ уже несомнѣннымъ образомъ то, чѣмъ она не есть; именно, что душа не есть матерія. Мы возстаемъ только противъ того, что многіе къ объясненію духовной жизни приступаютъ уже съ тѣмъ предразсудкомъ и намѣреніемъ, чтобы въ явленіяхъ ея не находить ничего кромѣ движеній и преобразо-

ваній матеріи. Мы требуемъ только, чтобы отвѣтъ на вопросъ о существѣ души не былъ вносимъ въ психологическія изслѣдованія уже готовымъ, но чтобы безпристрастно наблюдали духовныя явленія, и если потребуетъ того ихъ собственная природа, подводили ихъ подъ особенные законы и особенныя начала. Конечно человѣкъ въ своемъ непосредственномъ сознаніи самъ себѣ является существомъ единственнымъ, нераздѣльнымъ, и только, разсматриваемая сквозь призму размышленія о себѣ, жизнь его разлагается на жизнь двойственную, на *внутреннюю*, только временную, и на *внѣшнюю*, пространственную. Неоспоримо, что отправленія той и другой жизни находятся въ столь тѣсной связи между собою, что жизнь внутренняя пробуждается долго спустя послѣ начатія самостоятельности жизни физической; что всѣ внутренніе процессы условливаются внѣшними, или при содѣйствіи ихъ совершаются, и съ разрѣшеніемъ организма исчезаетъ *для опыта* бытіе жизни внутренней. Но, не смотря на эту видимую тождественность, съ древнихъ временъ явленія внутреннія, временныя, приписывали какому-то особенному, отъ матеріальнаго тѣла отличному началу, названному *душею* или *духомъ*, и слѣдовательно въ лицѣ человѣка видѣли, если не сложеніе (потому, что это механическое понятіе вообще при органическихъ существахъ едва ли имѣетъ приложеніе), то по крайней мѣрѣ таинственное соединеніе двухъ разнородныхъ естествъ. Съ этимъ убѣжденіемъ въ истинной двойственности соединенныхъ въ насъ началъ и въ непреходимости того изъ нихъ, которому приличествуетъ самосознающее мышленіе и хотѣніе, связуются всѣ наши драгоцѣннѣйшія выгоды и наде-

жды. Религія освящаетъ это наше вѣрованіе и дѣлаетъ его общимъ достояніемъ какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ. И отъ Науки можно требовать того, чтобы она при своихъ средствахъ утвердила и оправдала это убѣжденіе. И такъ, ежели Философія, опираясь на психологическихъ изслѣдованіяхъ, берется привести доказательства духовности души, то въ этомъ предпріятіи не видно еще ни недовѣрчивости къ непреложности Божественнаго Откровенія, ни достаточнаго повода къ тому упреку, будто это значитъ снова приниматься за вопросъ давно рѣшенный. Кто признаетъ авторитетъ Божественнаго Слова, тотъ въ строгомъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи можетъ видѣть только или новое наукообразное подтвержденіе того, во что онъ уже вѣритъ, и тогда Философія будетъ лишь представлять ему во всемъ блескѣ Откровеніе и утвердитъ его вѣру въ оное; или онъ увидитъ, что разумъ человѣческій, хотя можетъ довести его до высшаго правдоподобія въ этомъ важномъ убѣжденіи, но не въ силахъ доставить ему несомнѣнности, и тогда съ болѣе искреннею благодарностію онъ приметъ благодѣяніе непреложнаго ученія. Но для того, кто думаетъ довѣриться только собственному человѣческому знанію, вопросъ о бытіи духа и о существѣ его отнюдь не есть еще давно рѣшенный. И еслибъ даже онъ былъ рѣшенъ Наукою, при всемъ томъ необходимо самому вступить въ тотъ путь изслѣдованія и испытанія, по коему дошли до такого рѣшенія.

Впрочемъ этимъ вопросомъ о Природѣ и о существѣ духа, о его самостоятельности и совершенномъ отличіи отъ матеріи, наша опытная Психологія, какъ мы уже выше упомянули, совершенно не думаетъ

заниматься: ибо содержаніе ея, факты внутренней жизни и законы оной, если только они вѣрно изслѣдованы наблюденіемъ, при какомъ угодно предположеніи о производящемъ началѣ, остаются всегда одни и тѣ же. Но результаты нашихъ психологическихъ изслѣдованій безъ сомнѣнія имѣютъ важнѣйшее посредственное вліяніе на рѣшеніе Философами вышеприведеннаго вопроса. Ибо умозрѣніе, сколько бы оно ни напрягалось, точкою исхода и основаніемъ своего окончательнаго рѣшенія, всегда будетъ имѣть то, что мы знаемъ изъ опыта о внутренней жизни. Бытіе души, какъ существа особеннаго, отличнаго отъ тѣла, не можетъ быть постигнуто непосредственно; можно только заключить о немъ, какъ вообще заключаемъ отъ дѣйствія къ причинѣ. Данные, на коихъ мы основываемъ наше заключеніе, суть именно то, что опытомъ познаемъ о внутренней жизни, т. е. особенный характеръ дѣйствій и особенные законы, по коимъ они происходятъ; основаніе нашего заключенія есть противоположность между внутреннею и внѣшнею жизнію, хотя онѣ и тѣснѣйшимъ образомъ соединены между собою. Въ своемъ мѣстѣ, въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы увидимъ, что по устройству нашей Природы намъ не возможно посредствомъ чистаго или апріорическаго мышленія познать бытіе ни одного существа; что о существѣ вообще мы можемъ судить только чрезъ приложеніе предикатовъ, или лучше, о бытіи существъ и ихъ различіи мы знаемъ только изъ ихъ свойствъ, или заключаемъ о немъ изъ ихъ дѣйствій, какъ о необходимо предполагаемой причинѣ. И такъ, если мы при руководствѣ опыта отыскиваемъ и распредѣляемъ по классамъ внутреннія дѣйствія, опредѣ-

ляемъ ихъ отношенія между собою и къ совокупности внутренней жизни, наконецъ стараемся открыть законы, коимъ они подчинены: то весь нашъ трудъ клонится только къ тому, чтобы доставить Философіи вѣрныя посылки, изъ коихъ бы она могла вывести духовность и самостоятельность нашей души, если только возможно, въ строгихъ доказательствахъ. И такъ, чтобы не превратить совершенно естественнаго хода Науки, мы на время оставляемъ подлежательныя убѣжденія и уже прежде рѣшенныя мнѣнія о Природѣ души: потому что къ наукообразному убѣжденію, цѣли нашего труда, ведутъ только психологическія изслѣдованія. Пусть смотрятъ, если угодно на допущенное нами особенное духовное начало, здѣсь въ этомъ мѣстѣ, какъ на *гипотезу*, ожидающую своего подтвержденія отъ Философіи; впрочемъ не должно забывать, что право на это наше предположеніе даетъ намъ не только Христіанская Религія, и повсюду господствующія вѣрованія; но даже (что можетъ быть не менѣе важно въ глазахъ нашихъ противниковъ) самыя правила строгаго естествоиспытанія побуждаютъ насъ къ этому предположенію. Ибо ежели сіи правила требуютъ, чтобы существенно различныя явленія были также подведены подъ различныя начала, то весь вопросъ будетъ состоять только въ томъ, существенно ли отличается мышленіе отъ хожденія, хотѣніе отъ пищеваренія и т. д., вообще все только временное отъ пространнаго; и безъ сомнѣнія, каждый безпристрастный мыслитель, приступая къ точнѣйшему изслѣдованію человѣческой жизни, скорѣе согласится предположить два начала, нежели удовольствуется однимъ. И если бы было иначе, то какъ объяснить

тотъ общеизвѣстный фактъ, что матеріализмъ ни въ какое время не могъ возвыситься до всеобщаго признанія, и что напротивъ спиритуалистическій взглядъ на человѣка почти всегда оставался господствующимъ? Впрочемъ къ чести нашего вѣка мы можемъ прибавить, что теперь между истинно образованными людьми едва ли найдутся матеріалисты въ строгомъ смыслѣ сего слова. Наконецъ перестали, кажется, считать жизнь духовную тождественною съ органическимъ процессомъ тѣла, и тѣлесныя условія проявленія духовной жизни принимать за самую жизнь духа. Человѣческій организмъ отселѣ будетъ разсматриваться только какъ посредникъ, при содѣйствіи коего два различные міра, духовный и матеріальный, вступаютъ во взаимнодѣйствіе, и въ которомъ они таинственнымъ образомъ соприкасаются одинъ другому, хотя мы и не можемъ строго опредѣлить линію, отдѣляющую область того и другаго. И такъ смѣемъ надѣяться, что неосновательное пристрастіе къ матеріальнымъ объясненіямъ, которое столь значительно останавливало нашу Науку въ ея развитіи, по крайней мѣрѣ впередъ не будетъ препятствовать ея успѣхамъ.

Утвердивъ такимъ образомъ понятіе и объемъ нашей Науки, указавъ на ея источники и методу, и обративъ вниманіе на необыкновенныя трудности, препятствующія ея счастливому развитію, намъ остается только сказать еще что-нибудь о мѣстѣ, которое, по нашему мнѣнію, приличествуетъ опытной Психологіи въ области Наукъ, и о пользѣ, которую неминуемо должно принести ревностное изученіе сей Науки.

Правда, что касается пользы какой-либо Науки, то, если только это слово принимать въ обыкновен-

номъ матеріальномъ смыслѣ, вопросъ о ней будетъ очень подчиненный; и кто при изслѣдованіи истины расчитываетъ, какую выгоду она принесетъ ему, тотъ еще далекъ отъ той высокой точки зрѣнія, которая приличествуетъ усердному почитателю истины. Сей послѣдній глубоко чувствуетъ, что познаніе истины, точно такъ же, какъ и дѣланіе добра, есть безусловное благо, и само по себѣ уже добро по нашему стремленію; что напротивъ временныя выгоды, доставляемыя какою-либо Наукою, совершенно ничтожны въ сравненіи съ неизмѣримою, вѣчною пользою, которую само Провидѣніе соединило съ познаніемъ истины. Ибо, по законамъ его вѣчной мудрости, каждый шагъ человѣка на пути къ высшему совершенству зависитъ отъ познанія истины, и владычество истины или заблужденій рѣшаетъ ходъ и судьбу нашего рода, поколику они суть наше собственное твореніе.

Разсматриваемая съ этой высокой точки зрѣнія, наша Наука является уже во всей своей важности. Духъ есть средоточіе, изъ коего, въ видѣ множества лучей, истекаютъ различныя Науки и Искусства; онѣ суть его твореніе, произведеніе его большей или меньшей энергіи и болѣе или менѣе законной дѣятельности и образованія оной. И такъ Наука, которая открываетъ намъ Природу нашихъ духовныхъ способностей, изслѣдываетъ законы ихъ дѣйствованія и помогаетъ намъ выводить изъ этого знанія правила, по коимъ каждая изъ нихъ можетъ быть доведена до высшаго образованія и совершенства,—такая Наука, казалось, должна бы быть точкою исхода и основаніемъ всякаго высшаго умственнаго стремленія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли тотъ сдѣлать хорошее употребленіе

изъ какого-нибудь орудія (всѣ наши духовныя силы суть таковыя орудія, если станемъ разсматривать ихъ въ отношеніи къ ихъ произведеніямъ), кто знаетъ дѣйствіе его только изъ нѣкотораго поверхностнаго опыта, будучи совершенно незнакомъ съ внутреннимъ устройствомъ и условіями надежной и совершенной его дѣйственности. Какъ можетъ онъ съ твердою увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ приступить къ дѣлу, когда не знаетъ, достаточно ли для предположенной цѣли средство, находящееся въ его распоряженіи. Не будетъ ли онъ часто напрасно тратить время и силы на возможное, или даже не удалится ли отъ возможной цѣли потому, что пойдетъ не надлежащимъ путемъ?

Таково отношеніе опытной Психологіи къ Наукамъ вообще; но гораздо ближе и тѣснѣе связь ея съ Философіею. Впрочемъ трудно общепонятнымъ образомъ означить эту связь безъ предварительнаго знакомства съ самою Философіею, тѣмъ болѣе, что Психологія должна только пріуготовлять насъ къ изученію Философіи и вводить въ оную. Мы попытаемся однакожь опредѣлить взаимное отношеніе этихъ Наукъ по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ; объясненіе же того, что по необходимости должно въ этомъ случаѣ казаться тайнымъ для незнакомыхъ съ Философіею, мы отложимъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій. Отъ Платона до Гегеля господствующій взглядъ на Философію былъ тотъ, что она по *идеѣ* (ибо въ дѣйствительности мы видимъ только тщетные попытки приблизиться къ ней) есть тѣсно связанная, сама въ себѣ гармоническая система такихъ истинъ, которыя открылъ человѣкъ не наблюденіемъ и опытомъ,

но которыя или прирождены его духу, или, по какой-то внутренней необходимости, производятся его самодѣятельностію. Мысли, содержащія въ себѣ такія истины, называли *чистыми* или *апріорическими* и ихъ отличительный характеръ поставляли въ ихъ *всеобщности* и *необходимости*. Что касается до содержанія этой системы, то его полагали въ рѣшеніи всеобъемлющихъ вопросовъ: *откуда* произошло все существующее; *какъ* и *какимъ образомъ* оно поддерживается; *для чего* наконецъ все это существуетъ? Отсюда-то родилось обыкновенное опредѣленіе Философіи, что она есть *Наука о безусловномъ*, Царица всѣхъ Наукъ: потому что она объемлетъ познающее и познаваемое, и то и другое доводитъ до ихъ крайнихъ началъ.

Хотя мы вполнѣ раздѣляемъ то убѣжденіе, что дѣйствительно есть мысли, невольно возникающія изъ глубины нашего духа; что онѣ связаны между собою по необходимому закону, и развиваются однѣ изъ другихъ, но съ другой стороны мы не менѣе убѣждены и въ томъ, что при однихъ тѣхъ мысляхъ, безъ помощи опыта, никогда не можетъ быть разрѣшена многообъемлющая задача Философіи. Мы удовлетворительно покажемъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ, что всѣ эти истины, которыя по справедливости могутъ причисляться къ апріорическимъ, суть не иное что, какъ законы и формы нашей духовной жизни въ различныхъ ея направленіяхъ, и что мы съ ними и чрезъ нихъ только не познаемъ никакого дѣйствительнаго, конкретнаго существа. Правда, мы можемъ, какъ показываетъ Исторія идеализма, изъ этихъ чистыхъ понятій и положеній создать весьма искусную систему; но обнять дѣйствительность посредствомъ

ихъ однихъ, безъ помощи опыта, было всегда дѣломъ невозможнымъ. Такая система всегда останется одною самозданною мечтою, совершенно чуждою міра объективнаго; она только тамъ будетъ представлять нѣкоторую тѣнь дѣйствительности и кажущіяся точки соприкосновенія съ нею, гдѣ Философъ, съ сознаніемъ или безъ сознанія, обманывая себя и другихъ, вноситъ познанное опытомъ въ свое апріорическое, идеальное построеніе. Впрочемъ утверждать вмѣстѣ съ идеалистомъ, что человѣкъ можетъ развивать изъ себя самого, по существующимъ въ немъ законамъ необходимости, всю систему бытія, значитъ то же, что предполагать, будто онъ самъ есть существо безусловное, творецъ міра, или по крайней мѣрѣ носитъ въ себѣ всю полноту Божественныхъ идей о мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ это верхъ нелѣпой надменности! Если бы все въ мірѣ существовало по необходимому мысленному построенію идеалиста, то гдѣ бы тогда были движеніе, жизнь и свобода, повсюду истекающія предъ глазами, какъ бы изъ неисчерпаемаго источника? Очевидно, тогда не было бы никакого происхожденія одного предмета отъ другаго, не только никакого первоначальнаго міра—творенія; вообще не было бы никакого происшествія и никакой *Исторіи*, но одно *мертвое бытіе*, и желѣзная необходимость непонятной судьбы держало бы бытіе сіе въ тяжкихъ оковахъ неизмѣняемости. Но время уже произнесло приговоръ свой надъ этимъ столь же неутѣшительнымъ какъ и надменнымъ ученіемъ. Мы вполнѣ постигаемъ отрицательную важность, которую оно должно имѣть для будущаго направленія умовъ. Раціонализмъ, доведенный въ наше время до крайнихъ своихъ послѣдствій, будетъ служить для

всѣхъ временъ будущихъ какъ бы предостерегательнымъ памятникомъ, напоминающимъ, какъ мало значитъ умозрѣніе само по себѣ въ познаніи дѣйствительности. Онъ будетъ показывать, что чѣмъ даровитѣе умъ, безусловно увлекающійся его приманками и чѣмъ значительнѣе высота, которой онъ, казалось, достигъ посредствомъ своего чистаго мышленія, тѣмъ ощутительнѣе его жалкое паденіе. Ежели гдѣ-нибудь, то особенно въ философскихъ умозрѣніяхъ справедливо то, что отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ.

И для насъ Философія есть также Наука о безусловномъ, система законченнаго знанія, *повтореніе Божественныхъ мыслей о сотвореніи, сохраненіи и управленіи міра;* но въ то же время мы видимъ въ ней средоточіе, въ которомъ всѣ прочія Науки соединяютъ свои повсюду разбросанные лучи. Мы не осмѣливаемся строить изъ однихъ апріорическихъ мыслей нашу мировую систему; напротивъ эти общія и необходимыя опредѣленія мышленія, эти законы нашего духа, при познаніи бытія дѣйствительнаго, въ нашихъ глазахъ суть не иное что, какъ пустыя формы, которыя получаютъ положительное содержаніе только отъ наблюденія и опыта. И мы полагаемъ, что одно изъ самыхъ важныхъ занятій Философіи должно состоять въ томъ, чтобы довести насъ до яснаго сознанія формъ и законовъ, свойственныхъ нашему духу; но не думаемъ, что этимъ однимъ знаніемъ мы удовлетворяемъ высокимъ требованіямъ Философіи и рѣшаемъ ея задачи. Напротивъ, съ нимъ мы только приступаемъ къ міру и его Исторіи, и посредствомъ ревностнаго изученія его, наблюденіемъ и опытами, наведеніемъ и аналогіею, короче всѣми средствами мыслящаго раз-

сматриванія, мы изъ него вынуждаемъ отвѣты, которые должны составить содержаніе Философіи. Конечно при такихъ пріемахъ изслѣдованія наше ученіе не можетъ хвалиться тѣмъ, что оно *образуетъ Философію изъ одного куска*, — похвала, которою такъ превозносится идеализмъ; мы довольствуемся убѣжденіемъ, что это ученіе, какъ и всякое познаніе дѣйствительнаго есть внутреннее взаимно-проникновеніе двухъ элементовъ, апріорическаго и опытнаго. Для построенія Философіи въ такомъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, очевидно недостаточна кратковременная жизнь одного какого-нибудь человѣка; не только одинъ какой-либо Философъ, но даже цѣлый народъ не доводитъ ее до окончательнаго заключенія: законченная система Философіи есть безконечная задача для рода человѣческаго на безконечное время — короче, она есть идеалъ образованія человѣческаго разумѣнія вообще.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ нашихъ читателей, уже знакомый съ ходомъ Философіи, изъ вышесказаннаго заключитъ, что мы нѣкоторымъ образомъ возвращаемъ Философію опять на точку зрѣнія Канта. Замѣчаніе это будетъ справедливо въ томъ отношеніи, что мы всему апріорическому придаемъ только формальную цѣнность, а содержанія нашего знанія ожидаемъ отъ опыта. Но онъ ошибется, если подумаетъ, что мы, вмѣстѣ съ Кантомъ, познаніемъ апріорическаго уже оканчиваемъ всю Философію и соглашаемся съ утвержденіемъ сего Философа, будто за предѣлами чувственнаго нѣтъ для человѣка теоретическаго знанія, а всякое познаніе выше чувственнаго имѣетъ реальность только какъ требованіе практическаго разума. Нѣтъ! мы полагаемъ, что есть опытъ, который Кантомъ,

къ большому вреду его ученія, былъ оставленъ безъ вниманія, но который далеко уводитъ насъ за предѣлы простаго чувственнаго знанія; есть сохраненное Исторіею высшее наставленіе, которое во всякое время помогало человѣческой слабости при познаніи вышечувственнаго. Мы разумѣемъ здѣсь чрезвычайное Божественное наставленіе, которое по преимуществу называемъ мы *Откровеніемъ;* это сверхъестественныя учрежденія и дѣйствія, посредствомъ коихъ Богу угодно было человѣка со времени его сотворенія и паденія привлекать къ Себѣ и содѣйствовать не только его просвѣщенію, но и спасенію. И ежели справедливо то, что Исторія точно такъ же, какъ духъ и Природа, есть проявленіе безусловнаго — Божества, то какимъ образомъ, посредствомъ дерзновенной критики хотятъ у нея отнять и обратить въ область сказаній и миѳовъ ту именно часть, которая составляетъ самое внутреннее ея ядро, ея жизненное начало, — ту часть, которая какъ неизмѣняемый элементъ, подобно непрерываемой нити, тянется чрезъ всѣ перевороты вѣковъ и народовъ, и которая одна могла доставить твердость и значеніе, свѣтъ и жизнь цѣлой Исторіи. Философія, пренебрегающая этотъ важнѣйшій и существеннѣйшій источникъ *высшаго* опыта, какъ чуждый для нея, конечно видитъ себя принужденною къ тому жалкому, уничижающему признанію, что она, Наука о безусловномъ, знаетъ только то, что для человѣка нѣтъ никакого познанія вышечувственнаго — признанію, которое, выражаясь другими словами, значитъ что *Философія отрицаетъ свою собственную возможность.*

Впрочемъ какъ бы ни смотрѣли на Философію: будетъ ли она, по послѣднему взгляду, принимать

Российская
Государственная
Библиотека

къ себѣ элементъ опыта вообще, и въ особенности тотъ высокій, доставленный намъ Откровеніемъ опытъ, или будетъ она, въ строгомъ смыслѣ, построяющій a priori раціонализмъ, противоположный всему опытному и историческому, особенно Откровенію, — все однакожь отношеніе ея къ опытной Психологіи въ томъ и другомъ случаѣ всегда есть болѣе или менѣе зависимое, какъ мы для краткости покажемъ это въ немногихъ самыхъ общихъ чертахъ.

Не одинъ разъ уже спрашивали, и вѣроятно будутъ спрашивать: дѣйствительно ли Философія есть реальная Наука, т. е. точно ли она въ состояніи удовлетворить потребности истинной, естественно развивающейся изъ безпрерывныхъ успѣховъ человѣческаго образованія, или она только умственная роскошь и безполезная трата времени? На это мы можемъ отвѣчать не иначе, какъ слѣдуя вмѣстѣ со Психологомъ за натуральнымъ развитіемъ человѣка до той эпохи, когда философскія задачи невольно начинаютъ возникать въ духѣ его; только прислушиваясь къ голосу нашего сознанія, т. е. посредствомъ внутренняго опыта, мы убѣждаемся въ томъ, что задачи, рѣшеніе коихъ беретъ на себя Философія, имѣютъ высочайшую важность для всякаго конечнаго разумнаго существа. И какимъ образомъ безъ Психологіи думаютъ дойти до познанія чистыхъ опредѣленій мышленія, формъ и законовъ, которыя духу нашему присущи отъ начала, какъ его разумная Природа? Далѣе, если бы кто-нибудь, по примѣру идеалистовъ, изъ однихъ этихъ чистыхъ мыслей захотѣлъ созидать свою міровую систему, то откуда бы онъ взялъ отдѣльный необходимый для того матеріалъ? Конечно не извнѣ: потому

что его должны составлять мысли чуждыя области опыта, чистыя, апріорическія мысли, которыя раждаются въ насъ по какой-то внутренней необходимости, или по непремѣнному закону какого-то внутренняго самодвиженія мышленія. И такъ здѣсь не остается другаго источника кромѣ внутренняго опыта, кромѣ непосредственнаго сознанія, что мы такъ мыслимъ, и должны мыслить: ибо надобно же имѣть сознаніе объ этихъ мысляхъ: иначе нельзя объ нихъ и говорить, а тѣмъ менѣе построить изъ нихъ учебную систему. Но, возразитъ намъ идеалистъ, опытное сознаніе доставляетъ только особенныя и случайныя познанія, между тѣмъ какъ философскія познанія должны быть всѣ безъ исключенія, общія и необходимыя. Съ этимъ мы совершенно согласны; но замѣтимъ только, что вообще не могло бы быть никакихъ познаній кромѣ опытныхъ, если бы всякое апріорическое познаніе уже отъ того теряло свой чистый характеръ, что мы по внутреннему опыту сознаемъ въ себѣ присутствіе этого познанія. Ибо тогда и всѣ логическія и математическія истины, которымъ всякій готовъ приписать другое происхожденіе, должны бы быть названы эмпирическими познаніями. Простое рѣшеніе этого затрудненія заключается въ томъ, что есть и должно быть также эмпирическое знаніе для нашихъ апріорическихъ познаній. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ.

Всякое непосредственное, временное сознаніе чего-либо имѣетъ всегда какой-либо индивидуальный предметъ; въ этомъ смыслѣ оно должно быть названо случайнымъ, потому что зависитъ отъ внѣшняго возбужденія. Но это индивидуальное познаніе есть какъ

бы только измѣняющаяся скорлупа неизмѣннаго, заключеннаго въ ней ядра: это есть индивидуализированное, воплощенное выраженіе чего-то общаго, сокрытаго отъ необразованнаго сознанія. Наше зрѣніе, напримѣръ, въ каждомъ особенномъ случаѣ есть только приложеніе, или обособленное, овеществленное выраженіе общихъ законовъ Оптики, и для того, чтобы видѣть, мы вовсе не нуждаемся въ сознаніи сихъ законовъ; даже намъ совершенно не нужно знать, что существуютъ такіе законы. Точно такъ и всякая наша мысль есть обособленное выраженіе общихъ законовъ мышленія, хотя мы для того, чтобы мыслить, вовсе не имѣемъ нужды знать, есть ли въ насъ такіе законы. Но способность человѣка быть не только дѣятельнымъ, но и сознавать родъ и образъ своей дѣятельности, побуждаетъ его разсуждать о своемъ мышленіи, равно какъ и о своемъ зрѣніи, и отыскивать, что это за общее (законъ, правило, форма), которое лежитъ въ основаніи особеннаго. Какимъ образомъ это изслѣдованіе совершается относительно зрѣнія, мы это предполагаемъ уже извѣстнымъ изъ Оптики. Что же касается мышленія и познанія, то объясненіе того и другаго принадлежитъ такъ называемому философскому умозрѣнію, которое впрочемъ также встрѣчаетъ здѣсь величайшія трудности, потому что произволъ имѣетъ значительное вліяніе на мышленіе, и мы, хотя конечно съ утратою истины, можемъ также мыслить противъ законовъ мышленія. Посредствомъ такого-то размышленія о своемъ собственномъ опытномъ мышленіи, а неиначе, человѣкъ дошелъ до познанія логическихъ законовъ мышленія. Такъ, напр. законъ противорѣчія очевидно сначала представился сознанію

человѣка не въ голомъ его отвлеченіи и общности, столь же мало, какъ это мы замѣчаемъ у дѣтей; но не смотря на то, онъ, подобно дитяти, какъ бы по инстинкту избѣгалъ противорѣчія. Напротивъ первый, какъ скоро онъ началъ разсуждать о томъ, почему невозможно ему какую-либо вещь почитать въ одно и то же время круглою и некруглою, бѣлою и небѣлою и т. д., былъ уже на пути къ открытію въ этомъ особенномъ опытномъ познаніи какой-нибудь общей, заключенной въ немъ истины, или, если угодно такъ сказать, былъ близокъ къ ясному сознанію оной. То же самое встрѣчается и при метафизическихъ такъ называемыхъ законахъ мышленія. Человѣкъ могъ въ тысячѣ случаевъ, при замѣченныхъ имъ измѣненіяхъ, размышлять о чемъ-то, ихъ производящемъ, и отыскивать это производящее начало, прежде нежели дошелъ онъ посредствомъ размышленія, что эта мысль принадлежитъ къ устройству его Природы, и что онъ разумнымъ образомъ не можетъ иначе мыслить. Человѣкъ необразованный обнаруживаетъ въ своихъ словахъ и поступкахъ вездѣ, гдѣ только представляется къ тому случай, что онъ такъ же хорошо, какъ и мы, знаетъ, что всякая перемѣна имѣетъ причину; но онъ не сознаетъ только этого своего апріорическаго познанія въ его всеобщности и необходимости, или, лучше, не отдѣляетъ общей истины отъ особеннаго случая, въ которомъ она представляется его сознанію, какъ бы овеществленною. Напротивъ мы о законѣ причинности отвлеченномъ и представленномъ въ чистотѣ посредствомъ умозрѣнія также имѣемъ эмпирическое сознаніе, хотя и не можемъ утверждать, что это познаніе есть простое, опытное

познаніе. И такъ человѣкъ философски образованный отличается отъ необразованнаго въ отношеніи сихъ такъ называемыхъ чистыхъ познаній отнюдь не большимъ объемомъ или богатствомъ ихъ, но единственно формою и ясностію, въ каковой онѣ у него находятся.

То, что мы сказали здѣсь о необходимости Психологіи для отысканія и опредѣленія апріорическихъ познаній въ отношеніи истиннаго, касается также и тѣхъ разумныхъ познаній, коихъ предметъ есть *доброе, справедливое* и *прекрасное*. Никогда бы Философіи не могло притти на мысль составить Науку о добромъ, справедливомъ и прекрасномъ, если бы психологическое самонаблюденіе не доказало ей, что начало ихъ, ихъ основная мѣра—*идеи,* какъ обыкновенно называютъ ихъ, дѣйствительно обитаютъ въ нашемъ духѣ; что онѣ нераздѣльны съ нашею разумностію. Только внутренній опытъ могъ научить насъ, что сіи понятія отнюдь не составлены произвольно; что напротивъ они, точно такъ же какъ и понятіе истины, въ нашемъ разумѣ имѣютъ постоянное неизмѣняемое мѣрило. Но сіи присущіе намъ законы истиннаго, добраго, справедливаго и прекраснаго, и первоначально обнаруживающіеся въ непроизвольныхъ чувствованіяхъ, выразить общепригоднымъ образомъ; представить ихъ въ систематическомъ порядкѣ и полнотѣ вмѣстѣ съ другими туда относящимися истинами, и показать ихъ гармонію въ единствѣ разума, въ чемъ состоитъ ихъ единственно возможное оправданіе —все это не есть уже дѣло Эмпирической Психологіи, но Философіи, которая, очевидно, получаетъ отъ внутренняго опыта такое содержаніе своего ученія.

Мы слишкомъ бы углубились въ содержаніе самой нашей Науки, которой представляемъ здѣсь только введеніе, если бы вздумали показать ту высокую важность, которую психологическія изслѣдованія имѣютъ какъ относительно утвержденія нашего религіознаго вѣрованія, такъ и касательно открытія истинныхъ началъ всей общественной жизни. Но не излишно кажется намъ по крайней мѣрѣ намекнуть здѣсь на то, что это суть также предметы Философіи, при разсматриваніи коихъ никогда столько не уклонялись отъ истины, какъ тогда, когда, оставляя внутренній опытъ, жили и думали только въ матеріальной внѣшности, или предавались надменному, но пустому раціонализму, который, презирая все фактическое, изъ отвлеченныхъ понятій созидалъ отношеніе человѣка къ Богу и къ своимъ ближнимъ.

Конечно, если бы сама Философія была осуждена трудиться только внутри Школъ надъ опредѣленіемъ, раздробленіемъ и возсоединеніемъ произвольно созданныхъ понятій, безплодныхъ и безполезныхъ, какъ для умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣческаго рода, такъ и для улучшенія и облагороженія дѣйствительной жизни, то и Психологія, какъ Наука, служащая введеніемъ въ Философію, много бы потеряла вѣсу и значенія. Но Философія, по внутреннему своему существу, назначена для того, чтобы конечному духу съ высочайшей точки зрѣнія, какая только возможна для него здѣсь на землѣ, доставить возможность созерцать вѣчныя выгоды человѣчества въ невозмущаемомъ свѣтѣ истины. Сверхъ того, какъ сосредоточенное разумѣніе своего времени, какъ общее сознаніе онаго, при постоянномъ указаніи на эти не-

измѣняемыя выгоды, она должна дать понять современникамъ какъ ихъ богатство, такъ и бѣдность, ихъ успѣхи и безуспѣшность, ихъ благоразумныя и неосновательныя начинанія. Посему и та Наука, безъ которой Философія есть только мечта воображенія, именно Наука о внутреннемъ человѣкѣ, безъ всякаго сомнѣнія, должна имѣть высокое значеніе и достоинство.

Впрочемъ и въ отдѣльности отъ всякой Философіи не трудно понять вліяніе нашей Науки на жизнь дѣйствительную, если только захотимъ вникнуть въ ея тѣсную связь съ воспитаніемъ и образованіемъ человѣка. Очевидно, человѣкъ рожденъ для жизни съ подобными себѣ: только въ обществѣ и при содѣйствіи другихъ онъ можетъ возвыситься надъ міромъ животныхъ неразумныхъ: ибо только возбужденный вліяніемъ чуждаго разума пробуждается въ немъ его собственный, который въ противномъ случаѣ далеко опереженный чувственностію былъ бы заглушенъ въ самомъ своемъ зародышѣ. И такъ человѣкъ дѣлается человѣкомъ въ собственномъ или благородномъ смыслѣ, только посредствомъ *воспитанія,* которое онъ получаетъ, и это такъ справедливо, что во всѣ времена всѣ народы, чѣмъ были образованнѣе и добродѣтельнѣе, тѣмъ выше цѣнили его. Воспитаніе имѣетъ цѣлію, съ одной стороны развить всѣ находящіяся въ человѣкѣ силы и способности посредствомъ согласнаго съ Природою упражненія, и довести ихъ до возможно большей дѣйственности и образованія; съ другой стороны поставить человѣка въ возможность противостоять могуществу чувственности, и держать ее въ разумныхъ границахъ, предохранить раскрывающійся духъ отъ вліянія господствующихъ заблужденій, тщательно на-

блюдать надъ сочетаніями мыслей и привычками, коимъ подчинена духовная жизнь прежде развитія самостоятельныхъ силъ, и наконецъ расположить умъ и сердце еще въ нѣжной юности къ истинному и доброму. Кто же можетъ начертать намъ благоразумный, согласный съ человѣческою природою планъ, для достиженія столь высокой цѣли? кто наконецъ будетъ въ состояніи, преимущественно предъ всѣми, примѣнить этотъ общій планъ къ потребностямъ данныхъ индивидуальностей, и выполнить его? Безъ сомнѣнія только тотъ, кто знаетъ человѣка не съ одной только внѣшней стороны, поверхностно, изъ каждодневнаго обращенія; кто поставилъ себѣ одною изъ главныхъ задачъ жизни, посредствомъ ревностнаго изслѣдованія проникать глубже въ таинственный мракъ человѣческой природы; кто знаетъ законы и періоды развитія духовныхъ силъ, и посредствомъ размышленія о ходѣ своего собственнаго духовнаго совершенствованія, познакомился съ средствами не только просвѣтить умъ своего питомца и обогатить его познаніями, но равномѣрно и согрѣвать его сердце: однимъ словомъ, только Психологъ можетъ вполнѣ удовлетворить призванію воспитателя.

Далѣе теоретическое знаніе человѣческой природы по крайней мѣрѣ есть полезный пріуготовительный моментъ къ жизни общественной какъ въ низшихъ, такъ преимущественно въ высшихъ ея сферахъ. И да не думаютъ, что изученіе Исторіи само по себѣ одно можетъ вполнѣ вознаградить недостатокъ психологическаго познанія о человѣкѣ; нѣтъ! безъ сего познанія всякая Исторія есть только мертвая, не понятная картина, безъ единства и связи; только знаніе пру-

жинъ и побужденій, составляющихъ основаніе событій, даетъ намъ ключь къ ихъ уразумѣнію; а сіи побужденія суть мнѣнія, чувствованія, страсти, пожеланія и стремленія человѣка, коихъ природу старается открыть намъ Психологія.

Въ подтвержденіе признаваемой нами важности психологическаго изученія мы могли бы еще указать на то вліяніе, какое справедливыя или ложныя понятія о духовной жизни должны имѣть на духъ Уголовнаго Законодательства вообще, и въ особенности на приговоръ судьи касательно степени вмѣняемости преступленій. Мы могли бы указать также на то, что учитель Религіи и практической нравственности, равно какъ и Ораторъ, только въ этой Наукѣ почерпаютъ тайну дѣйствовать согласно съ цѣлію на умъ и сердце людей; что Поэтъ, Актеръ, Живописецъ и вообще всякій Художникъ только посредствомъ знанія психологическихъ законовъ, удерживаются отъ уклоненій въ неестественное, химерическое и странное; что Психіатрія, одно изъ важнѣйшихъ Искусствъ, коимъ мы обязаны новѣйшему времени, по своей природѣ большею частію основывается на опытныхъ началахъ нашей Науки, и что кромѣ собственныхъ искаженій, или недуговъ духовной жизни, Врачь не рѣдко видитъ себя принужденнымъ, по причинѣ тѣсной связи души съ тѣломъ, искать корня тѣлесныхъ болѣзней въ жизни духовной, и врачевать ихъ психическими средствами. Но простираясь далѣе въ объясненія столь очевидныхъ отношеній Психологіи ко всѣмъ направленіямъ нашей дѣятельности, мы могли бы много сказать такого, что само собою представляется каждому размышляющему. Почему и хотимъ

прибавить только одно еще; но это одно кажется намъ уже столь само по себѣ важнымъ, что для одного его только мы смѣемъ предложить изученіе Психологіи каждому образованному человѣку, какъ необходимую потребность.

Если все вообще наше земное существованіе имѣетъ свое значеніе и свою цѣну единственно только по отношенію своему къ жизни будущей, вѣчной, то безъ сомнѣнія и наше знаніе тѣмъ благороднѣе и драгоцѣннѣе, чѣмъ болѣе возвышаетъ оно духъ нашъ надъ тлѣнностію и ничтожествомъ жизни чувственной, чѣмъ болѣе ведетъ оно къ созерцанію нашего вѣчнаго назначенія, наполняетъ сердце наше удивленіемъ, любовію и благоговѣніемъ къ Богу, и утверждаетъ насъ въ той радостной увѣренности, что Всеблагій Богъ, создавшій человѣка, украсилъ его дарами своими предъ всѣми земными твореніями, избралъ его своимъ подобіемъ, своимъ любимцемъ. Безъ сомнѣнія, сердце наше невольно возвышается, когда мы вмѣстѣ съ Астрономами носясь по безконечному пространству неба, перелетая съ одной звѣзды на другую, и нигдѣ не находя предѣловъ величественному мірозданію, погружаемъ наконецъ утомленный взоръ нашъ въ неизмѣримое море свѣта, коего каждая капля есть солнце. Но предъ Богомъ нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго: ибо масштабъ Его безконечность, и малѣйшее насѣкомое, едва примѣтное для вооруженнаго глаза, не менѣе возвѣщаетъ всемогущество и мудрость Творца, какъ и его безчисленные міры. Но что значатъ въ сравненіи съ человѣкомъ всѣ эти красоты и чудеса? Не человѣкъ ли отваживается повторить за Творцемъ своимъ безконечную мысль сотворенія? Не до-

статочно ли ему едва мерцающихъ лучей свѣта, достигающихъ до его ока отъ необъятной эѳирной высоты, чтобы опредѣлить положеніе, теченіе и величину міровыхъ тѣлъ, какъ будто бы онъ самъ участвовалъ въ совѣтѣ при ихъ сотвореніи? — Чья изобрѣтательная сила постигаетъ тайну превращать каплю воды въ море, гдѣ представляется дивное зрѣлище новаго животнаго царства, полнаго жизни и гармоніи? И хотя все твореніе, открытое нашему взору, все какъ великое, такъ и малое, есть зеркало всеуправляющаго могущества и мудрости, но несомнѣнно то, что въ одномъ только человѣкѣ проявилась внутреннѣйшая сущность Божества, его святость и всеобъемлющая любовь. Человѣкъ созданъ по образу Божію, говоритъ Св. Писаніе, и радостный трепетъ и благодарное самочувствіе проникаютъ нашу душу, когда мы, отыскивая слѣды Божественнаго, открываемъ въ себѣ несомнѣнныя способности къ вѣчному бытію и дѣйствованію; мрачный туманъ матеріализма исчезаетъ предъ взоромъ наблюдателя, проницающимъ въ глубь творенія, и вѣра въ достоинство человѣческой природы и ея вѣчное назначеніе, основывавшаяся прежде на высокомъ Откровеніи, теперь находитъ опору еще и въ собственномъ сознаніи. Но съ другой стороны, ежели человѣкъ упоенный жадностію въ чувствѣ своего достоинства и силы, возмечталъ бы свое собственное *я*, напримѣръ какъ индивидуализованный всемірный духъ, возвысить до Божественнаго самодовольствія (*), то одинъ строгій взглядъ на мрачную сторону его природы напомнитъ ему не только о его конечности и

(*) Какъ то мы видимъ въ новѣйшемъ Пантеизмѣ.

ограниченности, но вмѣстѣ и о его слишкомъ не Божеской слабости и о его глубокомъ униженіи. Тогда, пристыженный и уничиженный, пойметъ онъ, что въ теченіе времени сдѣлалось съ этою человѣческою природою, носящею въ себѣ зародыши столь великихъ преимуществъ и столь обширныхъ замысловъ, и какъ разительно нарушено равновѣсіе ея элементовъ. И хотя это печальное открытіе не доведетъ его до того, чтобы онъ, отчаявшись въ собственной силѣ, отказался отъ своего разума, какъ отъ ложнаго свѣта, и не заботясь уже о своемъ исправленіи, сталъ только сѣтовать о своей испорченности, по крайней мѣрѣ онъ не можетъ не чувствовать необходимой потребности высшаго свѣта Искупленія и укрѣпленія. Тогда и самая Вѣра, которая побуждаетъ человѣка съ живою благодарностію принимать высокое благодѣяніе, дарованное намъ Спасителемъ, самая Вѣра, говоримъ, будетъ тѣмъ тверже и плодотворнѣе, чѣмъ истиннѣе была оцѣнена настоящая природа человѣка.

И такъ наша Наука, отъ поверхностнаго изученія коей произошли вольнодумство и безвѣріе, при основательномъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи, можетъ быть болѣе всѣхъ другихъ Наукъ служитъ къ тому, чтобы представить Христіанство въ полномъ блескѣ славы, и благотворнымъ лучамъ его открыть входъ даже въ сердца тѣхъ, которые въ гордости знанія до сихъ поръ смотрѣли на Вѣру, какъ на посохъ немощнаго.

2007055464